

Тартуский университет
Факультет гуманитарных наук и искусств
Институт иностранных языков и культур
Отделение славистики

УПОТРЕБЛЕНИЕ ДЕЕПРИЧАСТИЙ В БЕЗЛИЧНЫХ КОНСТРУКЦИЯХ

Бакалаврская работа III курса
студентки отделения славистики
РЕНАТЫ ПРОКУРОРОВОЙ

Научный руководитель –
лектор
Е. Г. Сосновцева

Тарту 2025

Введение	3
Глава 1. Историко-грамматическое становление нормы употребления деепричастий в русском языке	7
1.1. Норма употребления деепричастий	7
1.2. Дательный падеж	15
Выводы к главе 1	17
Глава 2. Нормативность и восприятие деепричастных конструкций	19
2.1. Анализ деепричастных конструкций в безличных предложениях с дативом на основе собранных примеров	19
2.2. Анализ восприятия нормативности деепричастных конструкций.....	29
Выводы к главе 2.....	34
Заключение	38
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ	40
Kokkuvõte.....	43
Приложение 1. Электронная версия опроса.....	45
Приложение 2. Ссылка на электронный файл с картотекой примеров.....	51
Lisa 1.....	52
Lisa 2.....	53

Введение

Настоящее исследование посвящено изучению употребления деепричастий в безличных конструкциях. Основное внимание уделяется конструкциям, в которых субъект действия выражен дательным падежом, что формально нарушает главное правило, согласно которому деепричастие должно согласовываться с субъектом, выраженным именительным падежом.

Во многих случаях дательный падеж используется потому, что местоимение «мне» ясно указывает на говорящего как на субъекта действия, и это не вызывает у читателя сомнений, кто выполняет действие, даже если конструкция не соответствует норме.

Актуальность исследования обусловлена тем, что в современной речи часто используются деепричастия в безличных предложениях, хотя это и не соответствует грамматическим нормам.

Объектом исследования являются деепричастия в безличных предложениях. В таких предложениях нет подлежащего в именительном падеже, но есть дательный падеж, который указывает на участника действия. Чаще всего в таких конструкциях используется личное местоимение, например, «мне».

Предмет исследования — синтаксические, семантические и лексические характеристики этих конструкций, а также их восприятие носителями языка.

Цель исследования — выяснить, почему безличные конструкции с деепричастиями, несмотря на несоответствие грамматическим нормам, продолжают использоваться в языке и какие факторы поддерживают их существование в реальной языковой практике.

Сформулированная таким образом цель предполагает решение следующих задач:

1. Описание грамматических норм и правил употребления деепричастий в безличных конструкциях;
2. Создание собственной картотеки, содержащей примеры употребления деепричастных безличных конструкций с дательным падежом;
3. Выявление роли дательного падежа в безличных конструкциях с деепричастиями: определение того, в каких случаях он выполняет функцию субъекта, а в каких — объекта действия;

4. Классификация по семантическим группам сначала предикативных частей, затем деепричастий в безличных предложениях с дательным субъектом и объединение результатов, чтобы выявить наиболее частую конструкцию, которая нарушает норму, но часто встречается в языке;
5. Проведение анкетирования и сбор материала;
6. Выявление факторов, поддерживающих существование безличных конструкций с деепричастиями в языке.

В лингвистике понятия «норма» и «узус» часто употребляются как синонимы, но это не всегда корректно. Применительно к некодифицированным подсистемам, таким как диалекты, жаргоны или просторечие, эти термины действительно могут использоваться безразлично: то, как принято говорить в определённом диалекте или сообществе, одновременно является и узусом (языковым обычаем), и нормой, так как это закреплённый способ использования языковых средств, который отличает одну группу говорящих от другой [Крысин 2017: 21].

Однако для кодифицированного литературного языка различие между нормой и узусом важно. Литературная норма — это предписания словарей и грамматик, а узус — реальная речевая практика. Узус может отклоняться от нормы, и такие отклонения — частое явление. В связи с этим, в литературном языке полезно выделять три составляющие: систему, норму и узус [Крысин 2017: 22].

В широком смысле норма — это традиционные способы употребления языковых единиц, формирующиеся исторически и сохраняемые в процессе общения. Это соответствует узусу, когда речь идёт о местных говорах или социальных диалектах. В узком смысле норма — результат кодификации и формальных предписаний, что связано с понятием литературного языка [Крысин 2017: 21].

В монографии М. Л. Каленчук, посвященной узуальным и кодифицированным произносительным нормам, выделяются два основных подхода при определении произносительных стандартов, которые мы так или иначе затронем в данном исследовании, — дескриптивный и прескриптивный. Дескриптивным методом М. Л. Каленчук называет анализ реального использования языка его носителями без оценочных суждений. При таком подходе основное внимание направлено на изучение многообразных произносительных вариантов слов и словоформ, существующих в

живой, разговорной речи. Прескриптивный же метод в лингвистике предполагает установление произносительных норм на основе суждений экспертов. Лингвисты рассматривают различные варианты произношения и определяют, какие из них являются правильными, а какие — нет. В результате этого процесса формируются официальные рекомендации по произношению слов. Эти рекомендации служат стандартом для обучения и использования языка [Каленчук 2021: 4].

Даже если дескриптивная норма основана на статистике реального использования языка, это не значит, что статистика не важна для прескриптивной нормы. Прескриптивная норма может меняться, и то, как люди обычно предпочитают использовать язык, может быть несовершенным. Поэтому, например, при установлении правил произношения лингвисты не всегда могут гарантировать абсолютную точность и однозначность. Эти правила скорее являются общим руководством по тому, как лучше всего использовать язык [Касевич 2005: 7].

Категория деепричастий описывалась во многих классических грамматиках русского языка. Впервые о деепричастной норме написал М. В. Ломоносов в «Российской грамматике» (1755), далее деепричастная норма затрагивалась в «Практической грамматике русского языка» Н. И. Греча (1827), в «Сокращенной русской грамматике» А. Х. Востокова (1852); также в работах 20 века: «Русский язык» В. В. Виноградова (1947), в «Русской грамматике» под редакцией Н. Ю. Шведовой (1980). Сейчас деепричастной нормой активно занимаются О. С. Биккулова и Е. Р. Добрушина.

В исследовании применены метод анкетирования, метод сплошной выборки примеров с деепричастиями из интернет-источников, где субъект действия выражен дательным падежом. Хотя Национальный корпус русского языка, далее – «НКРЯ» содержит большое количество текстов, попытки подобрать релевантные примеры безличных конструкций с деепричастиями и дательным падежом с помощью поисковых запросов оказались затруднительными. Нам не удалось сформулировать корпусный запрос, который бы точно охватывал нужный нам тип конструкций, не захватывая при этом нерелевантные данные. Это обусловило отказ от применения корпусного метода в пользу ручного сбора примеров из других источников.

В рамках настоящего исследования для формирования картотеки данных была выбрана стратегия поиска примеров в открытых источниках. Основой послужили

частотные лексические единицы, такие как глаголы движения и ментальные глаголы, совмещённые с конструкциями, включающими датив. Поиск осуществлялся методом сплошной выборки, а затем найденные примеры анализировались и классифицировались.

Работа состоит из Введения, двух глав, Заключения, Списка литературы, Приложений и резюме на эстонском языке.

В первой главе мы рассмотрели теоретические основы исследования, включая формирование норм употребления деепричастий и позиции различных лингвистов.

Во второй главе мы составили картотеку из 165 примеров, проанализировали роль дательного падежа и провели семантическую классификацию. Также было проведено анкетирование для изучения восприятия конструкций носителями языка. В работе два приложения: анкета и ссылка на электронный файл с собранным материалом.

Глава 1. Историко-грамматическое становление нормы употребления деепричастий в русском языке

1.1. Норма употребления деепричастий

Принято считать, что начало обсуждению проблемы деепричастной синтаксической нормы положил Михаил Васильевич Ломоносов. В своей «Русской грамматике» (1755) Ломоносов сформулировал нормативное правило, в котором говорилось, что деепричастие должно согласовываться в лице с главным личным глаголом: «Весьма погрешают те, которые по свойству чужих языков деепричастия от глаголов личными лицами разделяют, ибо деепричастие должно в лице согласоваться с главным глаголом личным, на котором всей речи состоит сила: идучи въ школу, встрѣтился я съ пріятелемъ; написавъ я грамотку посылаю за море. Но многие в противность сему пишут: идучи я въ школу, встрѣтился со мною пріятель; написавъ я грамотку, онъ пріѣхаль съ моря; будучи я удостоверень о вашемъ къ себѣ дружествѣ, вы можете уповать на мое къ вамъ усердіе, что весьма неправильно и досадно слуху, чувствующему правое российское сочинение» [Ломоносов 1755(1952): 566].

Сложно утверждать, использовал ли М. В. Ломоносов какие-либо ранние источники при формулировке правила или же полагался только на свой языковой опыт. Тем не менее, именно его формулировка правила стала отправной точкой для споров о нормах употребления деепричастий в синтаксисе.

После М. В. Ломоносова многие грамматисты предлагали свои версии толкования правила употребления деепричастия, и их мнения иногда расходились. Например, русский ученый-лингвист 18-го века А. А. Барсов в своей «Российской грамматике», которая была опубликована только спустя 200 лет после составления, утверждает, что «Согласие деепричастия состоит в том, что оно к тому же лицу относится, к которому глагол с ним соединяемый принадлежит, или к той же самой вещи, на пр. любя тебя я здѣлать сіе не отрекусь; или любя тебя мнѣ это здѣлать можно. гдѣ съ одной стороны глаголы не *отрекусь* и *можно*, а съ другой дѣепричастіе *любя* принадлежать къ одному лицу я и мнѣ, такъ и въ слѣдующей рѣчи: Уныніе разслабля духъ, приводить и разумъ въ расстройку, дѣепричастіе разслабля и глаголь приводить зависятъ вмѣстѣ отъ одной вещи уныніе, то жъ идучи я въ школу, встрѣтился съ пріятелемъ; написавъ ты грамотку посылаешь за море». Такое определение размывает строгую норму употребления конструкций с деепричастиями, так как Барсов считает нормативным вариантом

соотнесенность деепричастных конструкций не только с подлежащим в именительном падеже, но и с субъектами в косвенном падеже, что дает нам возможность использовать деепричастие, например, с дательным субъектным [Барсов 1981: 223].

Из этого следует, что уже в XVIII веке предпринимались попытки нормировать использование деепричастных оборотов.

Далее, в XIX в. Александр Востоков в Русской грамматике 1844 года утверждал, что деепричастие в придаточном предложении должно выражать действие того же лица, что и глагол в главном предложении. В качестве примера в учебнике было приведено следующее предложение: «Он, придя туда, увидел» или «Вы, гуляя, устали». Если деепричастие относится к личному глаголу, оно сочиняется с именительным падежом, как в примерах, данных в учебнике: «Им удобнее работать, сидя» или «Тебе можно устать, ходивши». В случае, когда деепричастие используется как наречие при неопределенном наклонении или с безличным глаголом, оно сочиняется с дательным падежом: «Больному велено прохаживаться, потеплее одевшись» [Востоков 1844: 212].

В «Практической стилистке» 1965-го года Д. Э. Розенталь пишет, что при использовании деепричастных оборотов важно учитывать, что они, как правило, относятся к подлежащему. Ошибкой считается случай, когда действие, выраженное деепричастием, не согласуется с подлежащим. Несмотря на это правило, в произведениях классиков можно встретить отступления от этой нормы. Розенталь объясняет эти отклонения либо влиянием народного языка, либо использованием галлицизмов (цит. по [Розенталь 2001: 339]). Однако в современном языке такие конструкции считаются ошибочными. Ярким примером может служить хорошо известная фраза из рассказа Чехова: «*Подъезжая к сией станции и глядя на природу в окно, у меня слетела шляпа*».

Допустимо также использование деепричастных оборотов в сочетании с причастиями или другими деепричастиями, если их субъекты совпадают: «*Она не ответила ему, задумчиво следя за игрой волн, взбегавших на берег, колыхая тяжелый баркас*». В безличных предложениях допустимо использование деепричастного оборота с инфинитивом: «*Редактируя текст, нужно учитывать не только содержание произведения, но и его общую стилистическую направленность*». В таких предложениях отсутствует как грамматическое, так и логическое подлежащее. Если же подлежащее

выражено формой косвенного падежа, но в предложении нет инфинитива, к которому мог бы относиться деепричастный оборот, то конструкция построена неправильно: «*Возвращаясь домой, мне стало грустно*» (цит. по [Розенталь 2001: 340]).

Наиболее строгий запрет на употребление деепричастий был сформулирован в «Русской грамматике» 1980 года. В грамматике было четко указано, что использование деепричастий в предложениях, где отсутствуют подлежащее и сказуемое, но есть дательный или винительный падежи с субъектным значением и без инфинитива, не соответствует литературной норме. В качестве примера было приведено следующее предложение: «*Выполняя это поручение, ему не хотелось огласки*». Кроме того, литературной норме также не соответствуют деепричастия в пассивных конструкциях. Это связано с тем, что в таких предложениях деепричастие относится к подлежащему, которое одновременно является и субъектом состояния, и объектом действия [Русская грамматика: II, 182].

Единственное условие, при котором возможно использование деепричастия в предложениях, где нет ни подлежащего, ни сказуемого, — это наличие инфинитива в составе такого предложения. В таких случаях необходимо, чтобы субъект действия или состояния, выраженного деепричастием, совпадал с субъектом действия или состояния, выраженного инфинитивом: «*Нужно было восстановить станцию, не прекращая научных исследований*» [Русская грамматика: II, 182].

В современных учебных пособиях отмечается, что многие лингвисты, однако, считают допустимым употребление деепричастий в безличных и неопределенно-личных конструкциях с дательным субъектным, в которых производитель действия понятен из контекста и семантические субъекты деепричастия и агенса при этом совпадают [Морфология современного русского языка 2009: 480]. В качестве примера приведём предложение из нашей картотеки, составленной в рамках настоящего исследования из открытых интернет-источников, таких как комментарии в социальных сетях и отзывы пользователей: «*Вспоминая это, мне кажется странным*».

В своей статье А. П. Вяльсова выделяет два типа конструкций, которые могут нарушать деепричастную норму и связаны с категорией лица. Первый тип ненормативных деепричастных конструкций характеризуется следующим образом: деепричастие должно относиться к подлежащему в именительном падеже. В качестве

примера Вяльсова приводит следующее предложение: «*Вернувшись домой поздно, мне захотелось спать*». Такие конструкции часто встречаются в безличных предложениях. Некоторые исследователи признают такие конструкции нормативными, так как действие деепричастия и сказуемого выполняются одним субъектом. В качестве примера одного из таких исследователей Вяльсова приводит М. В. Панова. Он писал, что в некоторых безличных предложениях деепричастие может относиться не к подлежащему, а к субъекту действия, который выражен дательным падежом (см. [Панов 1999: 179]). Также Вяльсова упомянула О. М. Чупашеву, которая обратила внимание на то, что субъектами действия могут выступать существительные и местоимения в косвенных падежах, такие как «*мне*», «*тебе*», «*вам*» (см. [Чупашева 2010: 12]).

Второй тип объединяет несколько подтипов и отражает полисубъектность конструкций, в которых субъект действия, выраженного деепричастием, не совпадает с субъектом основной части. В качестве примера Вяльсова привела следующее предложение: «*Кошкам, посещая ветеринара, пережить стресс помогает кошачья музыка*». Подобные деепричастные конструкции можно соотнести с конструкцией «*дательный самостоятельный*»¹ [Вяльсова 2021: 85].

В «Книге о грамматике» под редакцией А. В. Величко также указано, что если в безличном предложении деепричастие относится к инфинитиву, то такие конструкции могут быть допустимыми и в целом считаться нормативными: «*Глядя на него, мне захотелось встать*». Из примера ясно видно, что действия, обозначенные деепричастием и глаголом, выполняются одним и тем же лицом. Характерная черта таких предложений заключается в том, что субъект действия не представлен в роли подлежащего: он либо выражается существительным в косвенном падеже, либо вообще остается неназванным [Книга о грамматике: 164].

При анализе норм употребления деепричастий в современном русском языке невозможно обойти стороной работу О. С. Биккуловой, опубликованную на портале «Rusgram». Особенно нас интересует раздел «Деепричастие и норма: требование

¹ В старославянском языке существовал особый абсолютный оборот — дательный самостоятельный (или *Dativus Absolutus*), в котором субъект действия, как правило, был отличен от субъекта в главной части предложения. Оборот называется самостоятельным (или по-латыни *absolutus*), поскольку он непосредственно не зависит ни от какого члена главной части предложения, а относится к ней в целом, см.: [Аверина и др. 2013: 395].

односубъектности». В этом исследовании автор в хронологическом порядке разбирает изменение нормативных подходов к использованию деепричастных конструкций и их связь с категорией субъекта [Биккулова 2011].

О. С. Биккулова показывает, как традиционное правило, известное ещё со времён М. В. Ломоносова, остаётся актуальным в учебной и кодифицированной грамматике, но при этом часто нарушается в реальной речи. Автор подробно рассматривает случаи, когда деепричастие соотносится с субъектом модуса², а не с существительным в именительном падеже. Например, в предложении «*Подумав с полчаса, мною уже был составлен план действия*» деепричастие *подумав* логически относится не к подлежащему *план*, а к модусному субъекту *мною* — тому, кто говорит [Биккулова 2011].

Несмотря на то что такие конструкции встречаются в повседневной речи, в рамках школьной программы они считаются неверными. Это подтверждается, например, тем, что в Навигаторе самостоятельной подготовки к ЕГЭ по русскому языку 2025 года, опубликованном на сайте ФИПИ (Федеральный институт педагогических измерений), в разделе «Грамматика. Синтаксис» прямо указано: «Деепричастный оборот должен соотноситься с глаголом-сказуемым и обозначать добавочное действие субъекта (подлежащего)» [ФИПИ].

В результате Биккулова приходит к заключению, что «правило односубъектности» [Биккулова 2011] часто нарушается, когда в предложении используется модусный субъект — то есть говорящий рассказывает о себе, своих чувствах или мыслях. В таких высказываниях говорящий осмысляет все элементы ситуации — мысли, ощущения, телесные реакции — как принадлежащие одному субъекту, самому себе, не разделяя их на отдельные действующие лица. С точки зрения грамматики использование деепричастия в такой конструкции не соответствует правилу, но семантически всё остается в пределах нормы [Биккулова 2011].

² Модус — это компонент высказывания, выражающий отношение мыслящего субъекта к сообщаемому (диктуму). Он включает в себя модальный глагол (например, думать, радоваться, желать), который отражает субъективную оценку, эмоцию или установку, и субъекта, осуществляющего эту модальную операцию (модальный субъект) [Балли 1955: 44].

Е. Р. Добрушина в своей статье «Абсолютивные деепричастия: норма и узус, микродиахрония и современное положение» выделила пять этапов в истории соотношения абсолютивной конструкции³ с нормой:

1. Ломоносовский (до 1765 г.) – нормативное требование согласования деепричастия с подлежащим четко соблюдалось.
2. Классический (1765–1865) – под влиянием французского языка абсолютивные конструкции становятся частотными, но осуждаются грамматистами.
3. Чеховский (1865–1917) – конструкция постепенно выходит из употребления, особенно среди младшего поколения.
4. Советский (1917–1991) – жесткая нормативизация приводит к почти полному исчезновению таких оборотов.
5. Цифровой (1991–н.в.) – ослабление норм приводит к возвращению абсолютивных конструкций, особенно в устной и интернет-коммуникации [Добрушина 2020: 11–14].

Предполагается, что ослабление языковых норм после перестройки привело к постепенному формированию свободного регистра восприятия деепричастия, что началось примерно за десять лет до массового распространения интернета в 2000-х годах [Добрушина 2020: 15].

Правило, касающееся конструкций с деепричастиями, где субъект не совпадает с подлежащим, постепенно исчезает из языка. Е. Р. Добрушина в своей статье делает следующий вывод: «Семантический субъект при деепричастии должен быть ясен из контекста, т. е. не определяется никакими синтаксическими закономерностями, но очень часто связан с коммуникативным субъектом речи» [Добрушина 2020: 15].

Традиционный стиль речи можно услышать среди людей, которые овладели языком до того, как в период перестройки произошло ослабление языковых норм, то есть среди тех, кто родился до 1975 года. Однако, согласно опросам, среди современных студентов-

³ Абсолютивные или независимые конструкции — это наиболее резко отклоняющиеся от нормы конструкции: в них присутствует подлежащее, но семантический субъект деепричастия с ним не совпадает, см.: [Добрушина 2020: 9–18].

филологов, родившихся после этого периода (примерно в 2000 году), около 75% используют традиционный регистр [Добрушина 2020: 15].

Исходя из вышеизложенного, можно выделить два основных типа конструкций с дательным субъектом при деепричастии: конструкции, в которых деепричастие соотносится с инфинитивом, и конструкции, в которых субъект действия, выраженного деепричастием, не совпадает с субъектом основной части. При этом нормативной считается только первая модель, поскольку именно в ней дательный субъект грамматически связан с инфинитивом и может интерпретироваться как его логический субъект. В остальных случаях дательный падеж рассматривается как косвенное дополнение, а не как подлежащее. Тем не менее, наблюдается тенденция к размыванию строгой нормы, так как такие конструкции часто используются в обыденной письменной речи, например, в социальных сетях и других источниках, которые не проходят редакторскую проверку. Скорее всего, частое употребление таких конструкций может быть обусловлено тем, что дательный субъект при нулевом подлежащем легко восстанавливается и позволяет полноценно отобразить смысл предложения.

Чтобы сделать информацию более наглядной, мы представляем историко-грамматический обзор использования деепричастий в виде таблицы. В таблице 1 собраны основные правила, сформулированные лингвистами в разные эпохи.

Таблица № 1. Правила употребления деепричастий

Источник	Дата	Что написано про деепричастия
М. В. Ломоносов, «Русская грамматика»	1755	Деепричастие должно согласовываться в лице с главным глаголом. Ошибочно отделять деепричастие от личного глагола.
А. А. Барсов, «Российская грамматика»	XVIII век (опубликована в XX в.)	Допускается соотнесение деепричастий не только с подлежащим, но и с субъектами в косвенном падеже.
А. Х. Востоков, «Русская грамматика»	1844	Деепричастие в придаточном предложении должно выражать действие того же лица, что и глагол в главном

		предложении. В безличных конструкциях возможно согласование с дательным падежом.
Д. Э. Розенталь, «Практическая стилистика»	1965	Деепричастие обычно относится к подлежащему. Исключения возможны в безличных предложениях с инфинитивом. В классической литературе встречаются отклонения от нормы.
«Русская грамматика: Том II // Синтаксис»	1980	Запрещается употребление деепричастий в неподлежащосказуемых предложениях с дательным или винительным субъектом, если в составе таких конструкций отсутствует инфинитив.
«Морфология современного русского языка»	2009	Допускается употребление деепричастий в безличных и неопределенно-личных конструкциях, если семантический субъект ясен из контекста.
А. П. Вяльсова	2021	Выделяет два типа ненормативных конструкций: 1) деепричастие относится к дательному субъекту в безличных предложениях, 2) полисубъектные конструкции. М. В. Панов и О. М. Чупашева считают их допустимыми.
Е. Р. Добрушина, «Абсолютивные деепричастия: норма и узус»	2020	Исторически требование согласования деепричастия с подлежащим ослаблялось. В современном языке допустимы

		конструкции, где семантический субъект определяется из контекста.
--	--	---

Таблица 1. Правила употребления деепричастий

1.2. Дателъный падеж

Дательный падеж в русском языке выполняет ряд семантических функций, каждая из которых отражает определенные аспекты отношений между участниками ситуации. Например, он может выступать в роли агенса, как в предложении из романа Ф. М. Достоевского «Идиот»: «Только **троим** из русских писателей удалось сказать каждому нечто действительно свое». Здесь дательный падеж указывает на лиц, которым удалось совершить действие, акцентируя их активную роль в ситуации [Морфология современного русского языка 2009: 154].

В другой функции дательный падеж может выражать субъект в безличных и инфинитивных конструкциях, которые не допускают подлежащего в именительном падеже. Это проявляется в примере: «Вот и вчера его **молодому другу** нездоровилось». Здесь дательный падеж используется для выражения субъекта, испытывающего определенное состояние, показывая, кто именно находится под влиянием описываемых обстоятельств [Морфология современного русского языка 2009: 155]. Следовательно, дательный падеж в подобных конструкциях занимает позицию, близкую к подлежащему, и обеспечивает формальную и семантическую завершенность высказывания

Кроме того, дательный падеж часто используется для указания на адресата или бенефицианта действия. Например: «Глупа я, что **такому человеку**, как вы, говорю об этом» или «Я передал, в качестве приятеля покойного господина Мармеладова, **супруге** его **Катерине Ивановне** несколько денег на похороны». В этих случаях дательный падеж подчеркивает, кто является получателем или выгодоприобретателем действия, показывая направленность действия на конкретное лицо [Морфология современного русского языка 2009: 155].

Еще одной важной функцией дательного падежа является обозначение направления движения, что видно в следующем предложении: «Келлер побыл немного, а потом перешел спать к **Лебедеву**». Здесь дательный падеж используется для указания на цель движения, подчеркивая, куда направлен субъект [Морфология современного русского языка 2009: 155].

В русском языке субъекты могут играть различные семантические роли, которые зависят от их участия в ситуации. Среди основных типов субъектов выделяют субъект-агенса, субъект-экспериенсер и субъект-нейтрал. Агенса представляет собой прототипического субъекта: это производитель и контролер действия, как в примере «*Нина пилит дрова*». Нейтрал, напротив, участвует в ситуации лишь формально, выражая состояние или характеристику, например, «*Цветы стояли в вазе*». Однако особое внимание привлекают **экспериенсеры** — субъекты, которые не производят и не контролируют положение дел, а испытывают состояние, чувство или физическое воздействие [Мустайоки 2006: 160–164].

В рамках нашего исследования особый интерес представляют безличные конструкции, в которых дательный падеж выступает субъектом-экспериенсером и находится в предикативной части.

Субъект-экспериенсер в дательном падеже в этих конструкциях обозначает лицо, которое испытывает эмоциональное, физиологическое или иное состояние, не будучи активным участником действия [Мустайоки 2006: 162].

Также встречаются случаи, когда дательный падеж, выраженный такими словами, как *мне*, выполняет роль объекта, а не субъекта. Например: «*Гуляя по парку, мне попадались небольшие экскурсионные группы с туристами*». В этом предложении подлежащим является *экскурсионные группы*, сказуемым *попадались*, а *мне* выражено косвенным дополнением и в этом случае является объектом. Объекты представляют собой актанта, на которые направлено действие, совершаемое субъектом (или агенсом). Однако степень этой направленности, а также природа взаимодействия между субъектом и объектом могут варьироваться. Например, объекты могут быть результативными (возникающими или исчезающими в результате действия), подвергаться изменению свойств, испытывать физический контакт с агенсом или иметь более абстрактный, ментальный или эмоциональный характер [Мустайоки 2006: 165].

Выступая в роли объекта, дательный падеж часто принимает на себя функцию реципиента. Реципиент (или получатель) — это участник ситуации, в которой происходит передача чего-либо от одного лица к другому. Г. И. Кустова в типичной конструкции передачи выделяет три элемента: передающий (субъект, выраженный именительным падежом), то, что передаётся (объект, в винительном падеже), и

получатель (в дательном падеже); в качестве примера Кустова привела следующую конструкцию: «*Сестра дала брату яблоко*» [Кустова 2012].

В безличных конструкциях с деепричастием датив может выполнять аналогичную функцию — обозначать лицо, на которое направлено действие, но без явного субъекта, поскольку дательный падеж сохраняет свою семантическую роль получателя [Кустова 2012].

Особый интерес в этом контексте представляют конструкции, где объект выражен дательным падежом и сочетается с деепричастием. Такие структуры, как правило, демонстрируют, что дательный объект (*мне, тебе* и др.) выполняет роль, аналогичную роли экспериенсера — то есть воспринимающего или чувствующего лица, на которое направлено действие. Например: «*Подходя к даму мне пришло сообщение от неизвестного номера*». Здесь *мне* не является субъектом действия (оно не совершает действия и не инициирует его), а выполняет роль объекта, на который это действие направлено.

Выводы к главе 1

В первой главе мы рассмотрели, как менялись подходы к употреблению деепричастий со временем. Мы выяснили, что на протяжении времени норма употребления деепричастий колебалась от строгих правил, установленных Ломоносовым, до либерализации в эпоху цифровых технологий. История показывает, что языковые нормы постоянно менялись под воздействием внешних факторов: влияния других языков, стиля эпохи, идеологических установок и живого употребления. Уже в XVIII–XIX веках отдельные грамматисты, такие как Барсов и Востоков, предлагали более гибкие трактовки, допускающие соотнесенность деепричастий не только с подлежащим в именительном падеже, но и с субъектами в косвенных падежах. В XX веке, особенно в советский период, нормативная грамматика ужесточила требования к употреблению деепричастий. Однако в XXI веке лингвисты вновь начинают признавать, что деепричастия часто используются с дательным субъектом или даже с говорящим, особенно в безличных и неопределённо-личных конструкциях.

Исследования современных ученых, таких как А. П. Вяльсова, О. С. Биккулова и Е. Р. Добрушина, подтверждают тенденцию к размыванию границ нормативности: в живой речи и письменных текстах (в том числе в интернете) всё чаще используются

конструкции, в которых деепричастие соотносится не с подлежащим, а с субъектом, выраженным в дательном падеже. При этом в школьной программе до сих пор сохраняется базовая нормативная установка: литературной норме строго соответствуют лишь те конструкции, в которых деепричастие связано с подлежащим или с инфинитивом. Это позволяет сформулировать вопрос: почему подобные конструкции продолжают существовать в языке, несмотря на несоответствие нормативной грамматике, и какие факторы способствуют их широкому употреблению в повседневной речи?

Для ответа на этот вопрос во второй главе мы перейдём к практической части. Мы соберём свою картотеку с примерами ненормативного употребления деепричастий из открытых источников — социальных сетей, комментариев, рецензий, фанфиков, любительских рассказов. Далее мы проведём опрос, в котором респондентам будет предложено оценить нормативность предложений. Это поможет нам выявить, насколько носители языка чувствуют или не чувствуют отклонение от нормы и какие факторы (контекст, стилистика, жанр, частота употребления) влияют на восприятие подобных конструкций как приемлемых или, наоборот, ошибочных.

Глава 2. Нормативность и восприятие деепричастных конструкций

2.1. Анализ деепричастных конструкций в безличных предложениях с дативом на основе собранных примеров

Мы подробно рассматриваем деепричастия в безличных предложениях, где участник действия представлен дательным падежом, обычно выраженным личным местоимением, так как они ярко иллюстрируют расхождение между грамматическими правилами и языковой нормой. Эти конструкции не соответствуют традиционным грамматическим правилам, так как деепричастие обычно требует наличия подлежащего в именительном падеже, а в безличных предложениях такого подлежащего нет. Тем не менее, на практике такие конструкции часто встречаются. Их анализ позволит выяснить, какие факторы способствуют размыванию нормы.

Для этого исследования мы собрали картотеку примеров, содержащих деепричастия, которые не соответствуют норме употребления. В рамках настоящего исследования для формирования нашей базы данных с ненормативными конструкциями была выбрана стратегия поиска примеров в открытых источниках. Основу поиска составили частотные деепричастия, образованные от глаголов движения, глаголов речемыслительного действия, глаголов конкретного физического действия и т. д., совмещённых с конструкциями, включающими датив.

Мы обратили внимание именно на эти конструкции, поскольку они явно не соответствуют традиционным правилам русского языка. Согласно правилам синтаксиса, деепричастный оборот должен быть связан с глаголом-сказуемым и обозначать дополнительное действие субъекта, выраженного подлежащим в именительном падеже. Однако в этих примерах подлежащего нет, а вместо него используется дательный падеж (например, «мне», «тебе» и так далее), который берет на себя роль модусного субъекта. Наша задача — выяснить, какие факторы и особенности языка способствуют сохранению и использованию этих конструкций несмотря на то, что они формально считаются нарушающими нормы.

Примеры были найдены в различных интернет-источниках: комментариях, блогах и неформальных текстах. Чтобы найти их, мы обратились к поисковым системам «Google» и «Яндекс», введя ключевые фразы, такие как «вспоминая это, мне», «читая, мне», «подходя к дому, мне» и другие похожие выражения. Напомним, что в этом исследовании данные «НКРЯ» не использовались, поскольку при попытках найти

примеры безличных конструкций с дательным субъектом и деепричастием, отклоняющихся от нормы, возникли затруднения. Возможно, это связано с тем, что корпус преимущественно включает тексты, прошедшие редакторскую правку и соответствующие литературным нормам, что существенно ограничивает наличие нестандартных синтаксических конструкций.

Все найденные примеры мы отбирали методом сплошной выборки, а затем анализировали и классифицировали, что позволило составить картотеку для дальнейшего исследования.

Всего мы собрали 165 примеров. В нашей картотеке преобладают конструкции, в которых дательный падеж выступает модусным субъектом, таких примеров 128 (77,6%). Встречаются, например, следующие конструкции:

- (1) ***Прочитав это, мне стало страшно;***
- (2) ***Узнав это, мне стало грустно;***
- (3) ***И помогая ей, мне было не трудно, а даже в радость.***

Также в ряде примеров дательный падеж приобретает объектное значение. Таких примеров 37 (22,4%). В этих случаях он не обозначает переживающего субъекта, а указывает на участника, на которого направлено действие или воздействие, например:

- (4) ***Подходя к дому, мне пришло сообщение от неизвестного номера;***
- (5) ***Выходя оттуда, мне в глаза бросился колокол...;***
- (6) ***Задержав дыхание, мне предстала ужасающая картина.***

Первым этапом исследования станет семантический анализ предикативных частей безличных конструкций. Предикативы — это слова, которые в сочетании с глаголом *быть* или без него выступают в роли сказуемого в безличных конструкциях, обозначая состояние или оценку. Обычно они сочетаются с дативным актантом (мне грустно, ей холодно) и семантически близки к кратким прилагательным или наречиям [Летучий 2017].

В своей статье на портале «Rusgram» А. Б. Летучий классифицирует предикативы по следующим семантическим группам:

1. обозначающие оценку действий или ситуаций Экспериментером / Субъектом оценки (*тебе время уходит, плохо, что ты так поступил*);

2. с семантикой физиологического состояния, эмоции, чувства, восприятия Экспериментера (*мне больно, ему грустно*);

3. с ментальной семантикой (*мне понятно, ему неясно*);

4. с модальной семантикой и участником-актантом модального оператора (*мне нужно идти*).

В ходе анализа мы распределили предикативные части по семантическим группам. Наиболее обширной из них оказалась группа предикативов с семантикой физиологического состояния, эмоций, чувств и восприятия Экспериментера. В нашей картотеке из 128 примеров деепричастных конструкций в безличных предложениях с субъектом, выраженным в дательном падеже, именно такие предикативы составляют большинство — 77 случаев. (60,16%):

(7) *Прочитав это, мне стало очень грустно*;

(8) *И вот теперь, вспоминая это, мне стыдно за прошлое и страшно за будущее*;

(9) *Ему больно на душе и видя это, мне тоже больно*;

(10) *Только прочитав это, мне стало легче*.

Второе место по частоте использования заняли предикативы, описывающие оценку действий или ситуаций, которую даёт Экспериментер. Предикаты этого типа могут выражать оценку действия или ситуации с различных точек зрения [Летучий 2017]. Таких примеров 24 (18,75%):

(11) *Думая об этом, мне кажется, что новая правящая коалиция, вводя гендерно-нейтральные браки, принимает очень предвзятое и порождающее неравенство решение, основанное на идеологических или политических предпочтениях*;

(12) *Подходя к месту, мне уже понравилось снаружи оформление*;

(13) *Прочитав письмо, мне показалось странным то, что застройщик не указывает причину, по которой он переносит сроки*;

- (14) *Узнав это, мне стало так интересно, что будет дальше.*

На третьем месте находятся предикативы с ментальной семантикой (*мне понятно, ему неясно*). Такие предикативы выражают способность или неспособность субъекта, представленного дативной группой, совершать ментальные действия. Таких примеров 15 (11,72%):

- (15) *Учитывая это, мне, тем более, непонятно, почему она не может принять меня по-настоящему, а не только на словах;*
- (16) *Учитывая это, мне было ясно, что хоть он и говорил, будто нас готовят к боям с врагом, на деле он всего лишь показывал нам несколько приемов...;*
- (17) *Учитывая это, мне непонятно, почему у госпожей, особенно у Хюррем не было специального человека, который бы караулил любую движуху в районе Мраморного павильона и моментально докладывал бы об этом Хасеки? ;*

Следующими по частоте употребления стали предикативы с модальной семантикой, выражающие необходимость, возможность или желание. В рамках этой категории насчитывается 10 примеров (7,81%). Небольшое количество примеров с модальными предикативами в нашей выборке можно объяснить тем, что при поиске таких конструкций нам чаще всего попадались сочетания с инфинитивом, что делает их грамматически правильными и, соответственно, не подпадающими под критерии отбора в наше исследование. Именно поэтому конструкции типа «мне нужно», «мне хочется» встречаются реже.

- (18) *Читая это, мне нужно было на страницу больших систем Берроуза;*
- (19) *Прочитав это, мне страшно захотелось чего-то нового;*
- (20) *Слушая это, мне непременно хочется изобрести машину времени;*
- (21) *Сделав это, мне захотелось их все (и с улиткой и гиалуроновую и фиолетовую).*

Также в нашу картотеку попало 2 (1,56%) примера из группы бытийных предикатов. Об этом типе упоминается в учебном пособии «Синтаксис современного русского языка» Е. А. Стародумовой [Стародумова 2005]. Это примеры:

- (22) *... Понимая это, мне было 38 лет;*

(23) *как будто читая это, мне было лет 12.*

В нашей картотеке примеров с деепричастиями в безличных конструкциях с дательным субъектом чаще всего встречаются предикативы, описывающие физиологическое состояние, эмоции, чувства или восприятие. Они составляют около 60% от общего числа примеров (77 из 128), что свидетельствует о том, что этот тип широко используется в реальной жизни. Реже встречаются конструкции с предикативами, выражающими оценку действия или ситуации (18,75%), а также ментальные состояния (11,72%) и модальные значения (7,81%). Бытийные предикативы встречаются реже всего — 1,56%. (Диаграмма 1).

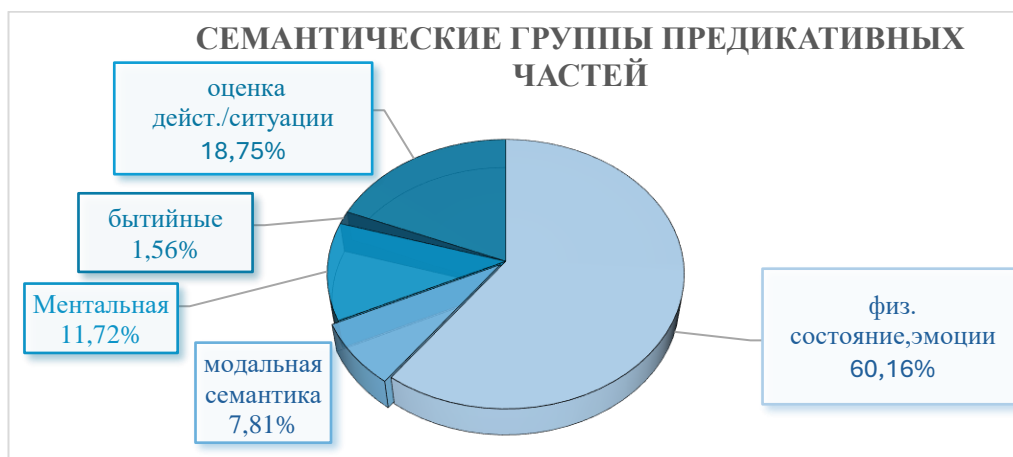

Диаграмма 1. Семантические группы предикативных частей

Далее мы разберем семантические типы деепричастий. Для анализа собранного материала в работе мы использовали классификацию глаголов, предложенную Г. А. Золотовой в её исследовании «Коммуникативные аспекты русского синтаксиса» (1982). Эта классификация основана на различении глаголов по характеру действия [Золотова 1982: 162].

«Основным критерием подразделения знаменательных глаголов служит значение акциональности/неакциональности; глаголы либо называют действие предмета, либо в виде действия представляют существование предметов, их отношения, их состояния и свойства» [Золотова 1982: 159].

Акциональные глаголы, по определению Г. А. Золотовой, обозначают физические или ментальные действия, совершаемые лицом. То, какое действие обозначает глагол, определяет, какие существительные и в каких падежах будут с ним сочетаться.

Исследователи неоднократно отмечали, что синтаксические и семантические особенности глаголов тесно связаны между собой, и эта взаимосвязь может быть описана в виде системы: в зависимости от характера действия и семантических ролей актантов глаголы делятся на несколько основных групп [Золотова 1982: 162–163]:

- **Глаголы рече-мыслительного действия**, предполагающие синтаксемы со значением адресата и делиберата (например: *рассказывать друзьям о поездке, сообщить новость собравшимся, поздравить с праздником гостей*);
- **Глаголы эмоционального действия**, сопровождающиеся указанием на объект или адресата эмоционального состояния (*любить кого-то, сердиться на кого-то, угодничать перед кем-то*);
- **Глаголы конкретного физического действия**, обозначающие направленное действие и часто сопровождаемые указанием на объект и средство/орудие (*вбивать гвоздь молотком, поливать огород из лейки*);
- **Глаголы социативного (интерсубъектного) действия**, предполагающие взаимодействие между субъектами и наличие цели или основания действия (*бороться с соперниками за кубок, дискутировать с коллегами о погоде*);
- **Глаголы движения**, характеризующиеся компонентами со значением направленности (исходная и конечная точка, путь движения) и/или средства передвижения (*перейти по мосту, ехать по тундре на оленях, пробираться через болото*).

Также рассмотрим один тип **неакциональных глаголов**. Неакциональные глаголы выражают разные отношения между предметами — например, где что-то находится (пространственные), кому что принадлежит (посессивные) — или сообщают о существовании или состоянии чего-либо. К неакциональным глаголам относятся **глаголы с локализирующим значением**. Они указывают на расположение предмета в пространстве (*тетради лежат на столе; булочная находится за углом; музей помещается в бывшей церкви*).

На основании данной классификации все собранные нами примеры были проанализированы с точки зрения семантики деепричастий, образованных от акциональных глаголов. Каждое деепричастие было отнесено к одной из указанных групп в соответствии с типом действия, которое оно выражает. Такой подход позволил систематизировать материал и выявить, какие типы глаголов наиболее часто

встречаются в сочетании с дативной конструкцией в нарушающих норму безличных оборотах.

В результате анализа собранной картотеки было установлено, что деепричастия, образованные от глаголов конкретного физического действия встречаются чаще всего: их насчитывается 69 (41,80%) из 165 (Диаграмма 2). В эту группу входят следующие примеры:

- (24) *Читая это, мне стыдно, а еще хочется воды;*
- (25) *Покупая, мне казалось, что сумочка будет декларативной;*
- (26) *Изучая это, мне кажется, что эта услуга предназначена только для SSD;*
- (27) *Посмотрев это, мне даже обидно, с того сколько серий прошло с этого эндинга и как всё кончилось...*

На втором месте по частотности оказались деепричастия, образованные от глаголов рече-мыслительной деятельности. Таких примеров 53, что составляет около 32,10%:

- (28) *Вспоминая это, мне все еще больно;*
- (29) *Говоря об этом, мне не хочется, чтобы у вас сложилось превратное впечатление, будто это всё просто;*
- (30) *Думая о ней, ему было одновременно радостно и грустно;*
- (31) *Понимая это, мне было 38 лет.*

Далее следуют деепричастия, образованные от глаголов движения — 36 примеров (21,80%):

- (32) *Подходя сюда, мне показалось, что за мной следят;*
- (33) *Гуляя по парку, мне некомфортно;*
- (34) *Выходя оттуда, мне было не смешно.*

Наконец, в картотеке также присутствуют деепричастия, образованные от глаголов с локализирующим значением «сидя» — таких примеров 7 (4,30 %):

- (35) *Сидя там, мне было настолько досадно внутри, что словами и не передашь;*

- (36) *Сидя в комнате, мне показалось, что пахнет, как прокисший суп, который поставили прокипеть...*

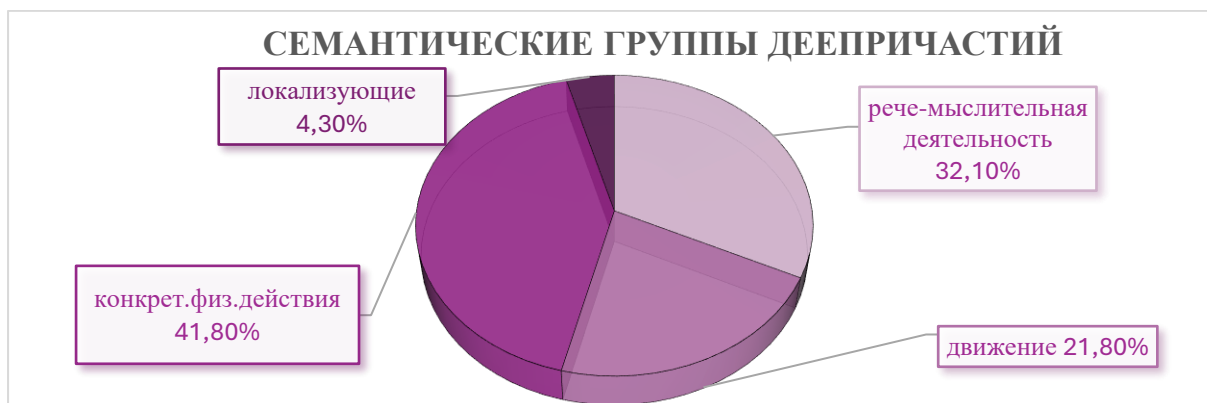

Диаграмма 2. Семантические группы деепричастий от акциональных глаголов

После отдельного анализа семантических типов деепричастий и предикатов главной клаузы, а также упоминания семантики дательного падежа как модусного субъекта, мы можем приступить к следующему этапу — сопоставлению этих компонентов для выявления наиболее типичных сочетаний. Наша цель на этом этапе — установить, какие именно комбинации семантических типов деепричастий и безличных предикатов наиболее часто встречаются в ненормативных конструкциях с дательным субъектом. Для этого необходимо совместно рассмотреть два множества — типы деепричастий и типы предикативов, выявленные нами ранее.

Напомним, что в нашей картотеке содержится 165 примеров, из которых 128 представляют собой конструкции с дательным субъектным, а 37 — конструкции с дательным объектным. Такое распределение — 77,6% субъектных и 22,4% объектных конструкций может свидетельствовать о том, что в повседневной речи безличные предложения с деепричастиями в основном используются для выражения субъективной точки зрения, то есть для описания собственных чувств, переживаний и мыслей.

В связи с этим в дальнейшей части анализа мы сосредоточимся именно на этих 128 конструкциях с дательным субъектом. Мы классифицируем их по семантическим группам, учитывая тип деепричастия и безличного предикатива. Анализ пересекающихся множеств показал, что определённые комбинации семантических типов деепричастий и предикативов встречаются значительно чаще других.

Наиболее распространённым является сочетание деепричастий, относящихся к рече-мыслительному типу, с предикативами рече-мыслительного типа и предикативов, выражающих эмоции, чувства и физиологическое состояние. Таких примеров 32, что составляет 25,0% от общего количества. В эту группу входят примеры типа:

- (37) *Мне интересен Мир в его проявлениях, и рассказывая об этом, мне приятно знать, что в ком-то мой взгляд откликается;*
- (38) *Думая о ней, ему было одновременно радостно и грустно.*

На втором месте — конструкции, где деепричастие обозначает конкретное физическое действие, а предикатив выражает физиологическое/эмоциональное состояние. Таких примеров 24 (18,8%):

- (39) *Сделав это, мне стало намного легче и всепоглощающий ужас отступил, будто его и не было;*
- (40) *И помогая ей, мне было не трудно, а даже в радость.*

Далее следуют сочетания с деепричастиями движения и с предикативами, которые выражают физиологическое/эмоциональное состояние — 20 случаев (15,6%):

- (41) *Выходя туда, мне мерзко и некомфортно;*
- (42) *Подходя к месту, мне становилось все неуютней и неуютней.*

Другие сочетания встречаются реже, но они также демонстрируют интересные закономерности. Например, среди сочетаний с предикативами, которые выражают оценку действия или ситуации, наиболее часто встречаются деепричастия, описывающие конкретные физические действия — 10 примеров (7,8%), рече-мыслительные действия — 6 примеров (4,7%) и движение — 4 случая (3,1%).

С предикативами ментального типа чаще всего употребляются рече-мыслительные деепричастия, что составляет 5 примеров (3,9%).

С модальными предикативами сочетаются деепричастия, обозначающие физическое действие — 6 примеров (4,7%).

Остальные сочетания встречаются реже. Сводные данные по всем группам представлены в следующей таблице (Таблица 2).

Тип деепричастия	Тип предикатива	Кол-во	% от 128
Рече-мыслительное действие	Эмоции / чувства / физиологическое сост.	32	25.0%
Физическое действие	Эмоции / чувства / физиологическое сост.	24	18.8%
Движение	Эмоции / чувства / физиологическое сост.	20	15.6%
Локализация	Эмоции / чувства / физиологическое сост.	1	0.8%
Эмоции	Эмоции / чувства / физиологическое сост.	2	1.6%
Рече-мыслительное действие	Оценка	6	4.7%
Физическое действие	Оценка	10	7.8%
Движение	Оценка	4	3.1%
Локализация	Оценка	3	2.3%
Рече-мыслительное действие	Ментальный предикатив	5	3.9%
Физическое действие	Ментальный предикатив	4	3.1%
Движение	Ментальный предикатив	4	3.1%
Локализация	Ментальный предикатив	1	0.8%
Рече-мыслительное действие	Модальность	3	2.3%
Физическое действие	Модальность	6	4.7%
Движение	Модальность	1	0.8%
Рече-мыслительное действие	Бытийность	1	0.8%
Физическое действие	Бытийность	1	0.8%

Таблица 2: Сводные данные семантических групп

Для наглядного представления распределения сочетаний деепричастий и предикативов мы также подготовили диаграмму (Диаграмма 3).

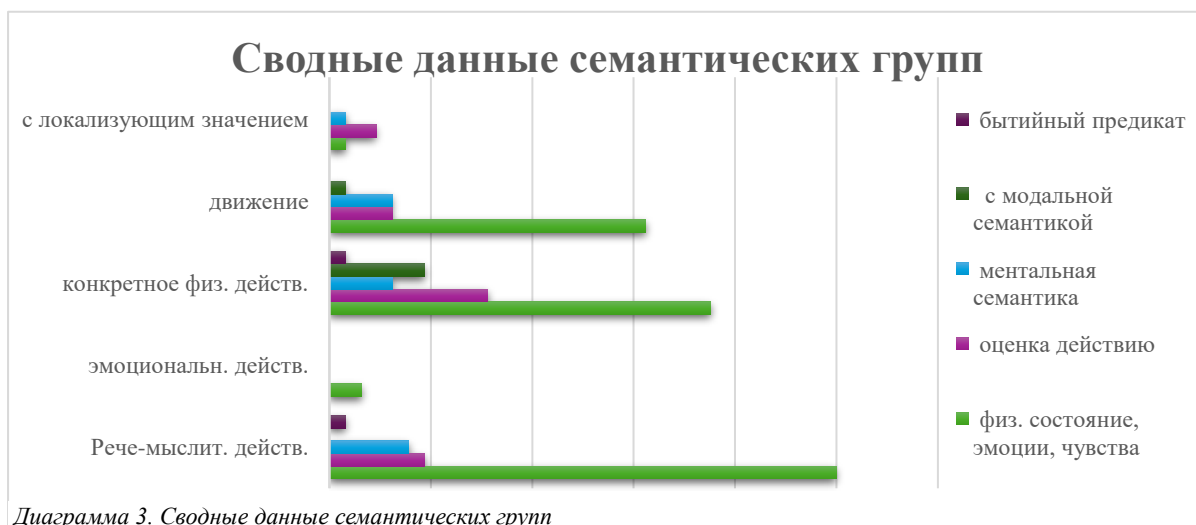

Диаграмма 3. Сводные данные семантических групп

Проанализировав собранные данные и объединив их в единую систему, можно с уверенностью сказать, что наиболее распространённой конструкцией с деепричастием при безличном предикате является следующая: [деепричастие рече-мыслительного или физического действия] + [предикатив с семантикой эмоции/чувства] + [дательный субъект]. Такие конструкции, несмотря на нормативный запрет, устойчиво используются потому, что дательный падеж субъекта с местоимением облегчает и упрощает коммуникацию. В таком случае субъект в дательном падеже выступает как носитель состояния или переживания, выражаемого безличным предикатом. Это снижает двусмысленность — говорящий явно указывает на того, кому свойственно это чувство или состояние, не нагружая конструкцию дополнительными словами.

2.2. Анализ восприятия нормативности деепричастных конструкций

Предварительный сбор и анализ 165 примеров из интернет-источников, содержащих конструкции с деепричастием и дательным субъектом, стал важным этапом подготовки к анкетному исследованию. Эти примеры послужили основой для формирования заданий в опросе.

Из самых ярких примеров мы сделали анкету с вопросами в сервисе «Google Forms» и разослали респондентам с просьбой оценить нормативность конструкций. Мы нигде не упомянули, что респондентам нужно будет оценивать конкретно норму употребления деепричастий в предложениях, это была анкета на рефлексию по поводу норм языка. Респонденты просто оценивали нормативность конструкций, не зная, в чем конкретно ошибка.

В опросе приняли участие люди разных возрастных групп и с различным уровнем образования. Большинство респондентов были носителями русского языка, однако среди участников были также билингвы.

Нами было составлено 4 блока с разными заданиями. Всего в 4-х блоках было 20 заданий:

1) Завершить предложения так, чтобы они казались естественными и правильными. Первая часть предложения с деепричастием была дана в строке, вторую часть респондент должен был придумать сам.

2) Выбрать наиболее правильный вариант из двух. Было дано 2 похожих предложения, но в одном предложении была ошибка, а второе было корректным;

респонденту нужно было отметить галочкой то предложение, которое он считает правильным.

3) Соединить части так, чтобы получилось корректное предложение. В строках были даны первые части предложений (две с деепричастным оборотом и две без), а в столбцах — возможные варианты продолжения. Респондентам предлагалось выбрать такое продолжение, которое, по их ощущению, наиболее естественно и правильно сочеталось бы с началом предложения.

4) Оценить степень нормативности предложений по шкале от 1 («абсолютно неправильно») до 5 («абсолютно правильно»). Было представлено 6 предложений, в которых респондентам надо было оценить, насколько предложенные конструкции являются правильными или неправильными.

В исследовании приняли участие 30 человек. Основную часть респондентов (28 человек) составили участники в возрасте от 18 до 25 лет, один участник был в возрасте от 26 до 35 лет и одному участнику было меньше 18 лет. Среди участников 11 человек имели среднее образование, 3 — среднее специальное, 8 — неоконченное высшее, 5 — высшее образование. Один респондент имел только основное образование. Два участника имели филологическое образование. Большинство опрошенных являются носителями русского языка (28 человек), ещё 2 участника — билингвами.

В одном из заданий респондентам предлагалось завершить предложения, начатые с деепричастного оборота таким образом, чтобы они звучали естественно и грамматически корректно. Участникам предлагалась первая часть конструкции с деепричастием, тогда как продолжение (вторую часть предложения) они должны были сформулировать самостоятельно — без предложенных вариантов ответов. Всего в этом блоке было пять деепричастных конструкций.

По результатам опроса, из 150 завершённых предложений 80 оказались грамматически правильными, то есть более половины участников корректно согласовали части предложения. Наиболее типичной структурой правильных продолжений стало использование подлежащего в форме личного местоимения первого лица единственного числа — я. Особенно часто такая структура встречалась в сочетании с глаголами, выражающими психоэмоциональное состояние. Например: *«Вспоминая*

школьные годы, я радуюсь», «Думая об этом, я нервничаю», «Прочитав это, я задумался».

Несмотря на преобладание конструкций с подлежащим в форме именительного падежа (я), в ряде ответов встречались конструкции с безличной формой, где субъект представлен местоимением в дательном падеже — мне. Таких ответов было 13, из них 11 содержали предикативные слова, выражающие эмоциональное состояние (например, «Думая об этом, мне грустно», «Вспоминая школьные годы, мне стало грустно»).

Особый интерес представляет тот факт, что в предложениях с деепричастиями, образованными от глаголов движения — *Подходя к месту...* и *Собираясь в школу...* — ни один из респондентов не использовал субъект в дательном падеже. Во всех грамматически корректных ответах подлежащее имело форму именительного падежа.

В следующем блоке с заданиями респондентам надо было выбрать наиболее правильный вариант из двух похожих предложений. В одном предложении была ошибка, а второе было корректным. Всего было 4 таких вопроса, и в 3-х из них респонденты чаще всего выбирали грамматически корректные предложения. Например, по следующей диаграмме четко видно, что большая часть отвечающих признают предложение с инфинитивом более правильным, чем предложение «Видя это, мне стало плохо, я плакала» (Диаграмма 3).

10. Выберите наиболее правильный или естественный вариант из двух
30 ответов

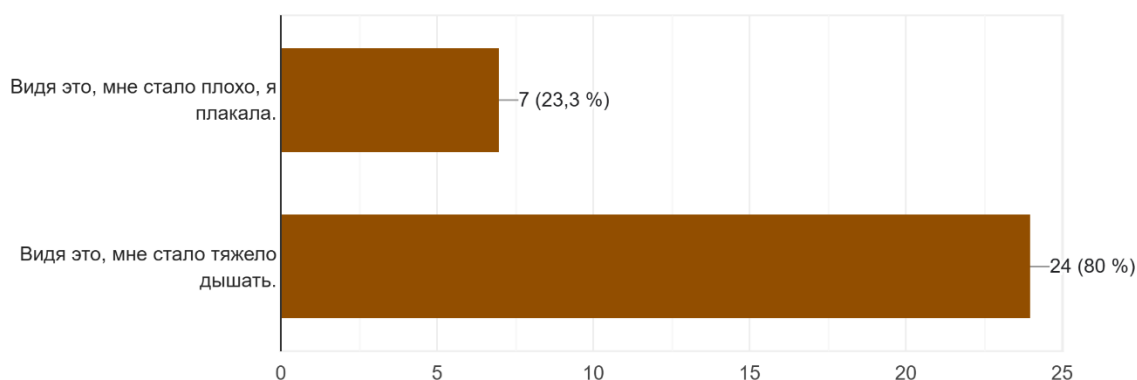

Диаграмма 3. Десятый пример из опроса в разделе «Выберите наиболее подходящий вариант».

Однако есть и исключение: единственная пара примеров, в которой большая часть респондентов оценила предложение с дательным субъектом как нормативное, была:

1) *Когда я сидел там, мне было интересно, существует ли санитарный контроль во Франции;*

2) *Сидя там, мне было интересно, существует ли санитарный контроль во Франции.*

В этой паре примеров 63,3% респондентов посчитали правильным второй вариант, в котором деепричастие соотносится с дательным субъекта и не имеет при себе инфинитива, и всего 40% опрашиваемых посчитали первый пример более корректным (Диаграмма 4).

Предпочтение конструкции «Сидя там, мне было интересно...» вместо нормативного «Когда я сидел там, мне было интересно...» может объясняться действием принципа языковой экономии. Согласно ему, говорящий стремится к минимизации речевых усилий, в том числе — к сокращению количества слов при сохранении понятности высказывания. Это стремление к упрощению языковых средств было замечено ещё в конце XIX века. Принцип экономии речи впервые был сформулирован Полем Эдуаром Пасси, а впоследствии был развит в работах Андрэ Мартине и Джорджа Ципфа [Вих 2020: 40].

9. Выберите наиболее правильный или естественный вариант из двух
30 ответов

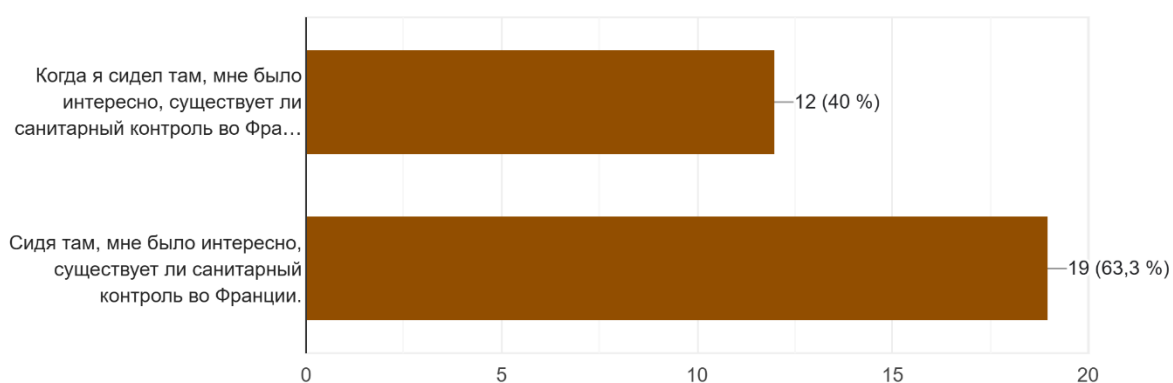

Диаграмма 4. Девятый пример из опроса в разделе «Выберите наиболее подходящий вариант».

Употребление деепричастия «сидя» вместо полной формы двусоставного придаточного времени «когда я сидел» позволяет говорящему выразить ту же мысль быстрее и компактнее, что особенно актуально в письменной речи.

Кроме того, важную роль играет когнитивная прозрачность ситуации: в конструкции «Сидя там, мне было интересно...» не возникает затруднений в интерпретации субъекта действия. Несмотря на формальное отсутствие грамматического соответствия между деепричастием и субъектом, реципиент без усилий соотносит действие «сидя» с субъектом «мне», т. е. с говорящим.

В одном из заданий респондентам предлагалось оценить нормативность различных предложений по шкале от 1 до 5 (1 — «абсолютно неправильно», 5 — «абсолютно правильно»). Наиболее неудачным участники сочли высказывание: «Собираясь в школу, мне нужен светильник». Между тем аналогичное по структуре предложение — «Прочитав это, мне стало очень грустно» — вызвало гораздо меньше нареканий. Оба примера содержат дательный субъект и не включают инфинитив, однако воспринимаются по-разному.

Вероятно, это связано с синтаксической несогласованностью в первом случае. Сказуемое «нужен» — модальный предикат в именной конструкции, обозначающий состояние, а не процесс. Оно статично и не согласуется с активным значением деепричастия «собираясь», что создает семантический разрыв.

Устойчивость подобных конструкций напрямую зависит от их семантической структуры. В примере «Прочитав это, мне стало грустно» деепричастие указывает на причину, а дательный субъект — на модусный агенс, что обеспечивает интерпретируемость высказывания. В предложении «Собираясь в школу, мне нужен светильник», напротив, отсутствует смысловая связка между действием и предикатом — «нужен» не предполагает агенса, что нарушает когерентность. Из этого следует, что конструкции, в которых сохраняется логическая связь между частями, легче усваиваются и закрепляются в языке.

Мы также включили в опрос шуточное высказывание Антона Павловича Чехова из «Жалобной книги»: «Подъезжая к сей станции, у меня слетела шляпа», которое традиционно приводится в учебниках как пример некорректного употребления деепричастного оборота. Результаты исследования оказались весьма неоднозначными:

многие участники не смогли дать чёткого ответа, насколько этот пример соответствует нормам. Наиболее популярными ответами стали «затрудняюсь ответить» (23,3 %) и «скорее правильно» (26,7 %). Такая неопределенность может быть связана с тем, что данное высказывание имеет статус общеизвестной цитаты, часто встречающейся в образовательных и публицистических контекстах. Вероятно, частотность употребления и узнаваемость конструкции притупляют критическое восприятие синтаксической ошибки. Соответственно, то, что фраза хорошо знакома и часто встречается, может влиять на её восприятие как правильной, даже если с точки зрения грамматики она содержит ошибку.

Результаты опроса показали, что большинство носителей русского языка в целом чувствуют нормативное требование согласования деепричастного оборота с подлежащим в именительном падеже. Более половины участников опроса успешно завершали предложения грамматически корректно, демонстрируя знание и интуитивное владение нормой.

Однако, несмотря на общее знание правила, в речевой практике наблюдаются устойчивые отступления от нормы — прежде всего в конструкциях с субъектом в дательном падеже и предикативами, выражающими эмоциональное состояние. Такие случаи, например: «Прочитав это, мне стало грустно», воспринимаются как естественные и не вызывают ощущения ошибки у большинства респондентов. Особенно характерно это для ситуаций, в которых субъект явно соотносится с говорящим.

Следовательно, можно говорить о частичной размытости границ нормы: при формальном нарушении грамматического согласования коммуникативная и когнитивная целостность высказывания позволяет воспринимать конструкцию как допустимую. Языковая интуиция допускает определенную гибкость, если высказывание сохраняет логическую связность и эмоциональную выразительность. Это указывает не на утрату нормы, а на существование условий, при которых она может осознанно игнорироваться в пользу речевой естественности.

Выводы к главе 2

Подводя итоги практической части нашей работы, можно выделить несколько ключевых результатов, отражающих как структуру употребления деепричастных

конструкций в безличных предложениях с дательным субъектом, так и особенности восприятия таких конструкций носителями языка.

В практической части нами была собрана обширная картотека, включающая 165 примеров употребления деепричастий в безличных конструкциях. Преобладающее большинство из них (128 примеров, что составляет 77,6%) представляют собой случаи, в которых дательный падеж выступает модусным субъектом. Остальные 37 примеров (22,4%) иллюстрируют объектное значение дательного падежа. Это наблюдение особенно важно в контексте поставленных задач: высокая частотность модусного дательного субъекта свидетельствует о его продуктивности и востребованности в современной коммуникации, несмотря на расхождение с нормативными требованиями.

Распределив предикативные компоненты по семантическим группам и подсчитав их частотность, мы обнаружили преобладание предикативов, описывающих физиологические и эмоциональные состояния, чувства и восприятие — они составили около 60% от общего числа. Предикативы с семантикой оценки действия или ситуации составили 18,75%, ментальные состояния — 11,72%, модальные значения — 7,81%, а бытийные — лишь 1,56%. Такая неравномерность распределения указывает на то, что деепричастия в безличных предложениях, где в роли субъекта выступает личное местоимение в дательном падеже, наиболее естественно сочетаются именно с предикативами, описывающими внутреннее состояние говорящего.

Аналогично, распределив деепричастия по семантическим группам и определив наиболее частотные из них, мы установили, что наибольшее распространение получили деепричастия, образованные от рече-мыслительных глаголов и от глаголов конкретного физического действия.

Сведение этих данных в единую систему позволило выявить наиболее типичную и часто встречающуюся структуру подобных высказываний:

[деепричастие рече-мыслительного или физического действия] + [предикатив с семантикой эмоций/чувства] + [дательный субъект].

Такая комбинация показывает, что части конструкции хорошо сочетаются друг с другом по смыслу и не вызывают трудностей в понимании. Подобные предложения понятны для носителей языка, даже несмотря на то, что формально они нарушают правило. Можно предположить, что выявленная семантическая модель — один из

факторов, способствующих употреблению деепричастных конструкций в безличных предложениях с дательным субъектом.

Во второй части главы были представлены результаты анкетирования, направленного на оценку восприятия подобных конструкций носителями языка. Опрос показал, что респонденты не всегда воспринимают деепричастия в безличных предложениях, где субъектом выступает личное местоимение в дательном падеже как неправильные. В большинстве случаев респонденты выбирали грамматически правильные варианты, но иногда вполне допустимыми для них оказывались и формы, не соответствующие норме, особенно если между деепричастием и основной частью предложения сохранялась смысловая связность.

Наибольшее число грамматически корректных продолжений участники сформулировали с подлежащим в форме именительного падежа («я»), но 13 ответов также содержали конструкции с дательным субъектом («мне»), при этом 11 из них сопровождалось предикативами, выражающими эмоции. Это подтверждает вывод о частотности и воспринимаемой допустимости именно таких конструкций в разговорной и письменной речи.

Исследование, проведённое с помощью анкетирования, показало, что восприятие безличных конструкций с деепричастиями во многом зависит от смысловой связи между деепричастием и основной частью предложения. Если эта связь понятна, такие фразы кажутся допустимыми, даже если они не соответствуют грамматическим правилам. Кроме того, устойчивость подобных конструкций может поддерживаться их частотностью и узнаваемостью: общеизвестные выражения, даже если они формально некорректны, воспринимаются как приемлемые из-за привычности и регулярного употребления.

Исходя из результатов нашего исследования, мы можем выявить пять факторов, поддерживающих употребление деепричастных конструкций в безличных предложениях с дательным субъектом, несмотря на их формальное расхождение с нормативной грамматикой:

1. **Языковая экономия.** Употребление дательного субъекта в подобных конструкциях позволяет сократить количество слов без потери смысла. Например, вместо громоздкого «Когда я сидел там, мне было интересно...»

используется более компактное «Сидя там, мне было интересно...». Это соответствует принципу экономии речевых средств, при котором говорящий стремится к максимальной информативности при минимуме языковых усилий.

2. **Когнитивная прозрачность субъекта действия.** Несмотря на отсутствие формального грамматического согласования, слушатель/читатель легко соотносит деепричастие с дательным субъектом как с носителем действия. В конструкции «Сидя там, мне было интересно...» не возникает затруднений в определении, кто «сидел», потому что это логически связано с говорящим.
3. **Семантическая связность между частями конструкции.** Конструкции воспринимаются как корректные, если между деепричастием и основной частью предложения существует логическая, причинно-следственная или временная связь. Например: «Прочитав это, мне стало грустно» — деепричастие «прочитав» указывает на причину эмоционального состояния.
4. **Частотность и узнаваемость.** Частое повторение определённых синтаксических моделей, даже если они формально нарушают грамматическую норму, способствует их закреплению в языке. Яркий пример — фраза Чехова «Подъезжая к сей станции, у меня слетела шляпа», которая благодаря своей узнаваемости воспринимается многими как допустимая. Однако этот механизм работает не только с общеизвестными цитатами. Возможно, схожий механизм действует и в повседневной коммуникации, когда один человек использует подобную конструкцию, а другой её слышит или читает. Происходит подсознательное запоминание: формируется представление о том, что «так можно говорить». Это говорит о том, что высокая частотность употребления способствует снижению чувствительности к отклонениям от нормы и нормализации подобных синтаксических структур в языковом сознании.

Заключение

Целью нашего исследования было выяснить, почему безличные конструкции с деепричастиями, несмотря на их формальное несоответствие грамматическим нормам, продолжают использоваться в современной русской речи и какие факторы способствуют их устойчивости в языковой практике. Для достижения этой цели мы собрали картотеку из 165 примеров таких конструкций, проанализировали их с точки зрения семантики и структуры, а также провели анкетирование, в котором приняли участие носители русского языка разных возрастных и образовательных групп.

В первой главе были рассмотрены теоретические основы исследования: описаны этапы формирования нормы употребления деепричастных конструкций с XVIII века до современности, представлены позиции различных лингвистов по поводу допустимости употребления деепричастий в безличных и дативных конструкциях. Особое внимание было уделено изменению отношения к «правилу односубъектности» и роли дательного падежа как субъекта или объекта в конструкции. В качестве методологической базы использовались труды М. В. Ломоносова, А. А. Барсова, А. Х. Востокова, Д. Э. Розенталя, О. С. Биккуловой, Е. Р. Добрушиной и других исследователей, а также материалы современных грамматик и учебных пособий. В этой главе мы выполняем нашу первую задачу — описываем грамматические нормы и правила использования деепричастий в безличных конструкциях.

Во второй главе, в первую очередь, была составлена картотека из 165 примеров, показавшая, что в 77,6% случаев дательный падеж выполняет модусную (субъектную) функцию, а в 22,4% — объектную. Это позволило решить третью задачу исследования — выявить роль дательного падежа в безличных конструкциях с деепричастиями.

Затем была проведена семантическая классификация предикативных компонентов и деепричастий. Предикативы, описывающие физиологические и эмоциональные состояния, оказались наиболее частотными (около 60%). Среди деепричастий преобладали формы, образованные от рече-мыслительных и двигательных глаголов и глаголов движения.

Эти результаты позволили выполнить четвертую задачу — классифицировать элементы конструкции по семантическим группам и объединить полученные данные для выявления наиболее типичной модели:

[деепричастие рече-мыслительного/физического действия] + [предикатив с семантикой чувства] + [дательный субъект].

Кроме того, результаты анкетирования позволили выявить восприятие носителями языка подобных конструкций: несмотря на формальное нарушение нормы, многие из них воспринимаются как допустимые при наличии семантической связности между деепричастием и предикативной частью. На этом основании можно считать пятую задачу выполненной.

Подводя итоги, можно сказать, что цель нашего исследования достигнута. Мы выяснили, почему безличные конструкции с деепричастиями, несмотря на их формальное несоответствие грамматическим нормам, продолжают активно использоваться в современной русской речи. Кроме того, мы определили несколько факторов, способствующих их сохранению в языковой практике.

Во-первых, мы провели всесторонний анализ таких конструкций на материале реальных языковых примеров, выделив их структурные и семантические особенности. Во-вторых, классификация предикативов и деепричастий позволила выявить наиболее типичную и частотную модель конструкции, что дало основание говорить о наличии устойчивого синтаксического шаблона. В-третьих, результаты анкетирования подтвердили, что носители языка в ряде случаев воспринимают такие конструкции как допустимые, особенно при наличии смысловой связности. И наконец, мы выделили пять ключевых факторов, которые, как нам представляется, способствуют закреплению этих конструкций в речи: языковая экономия, когнитивная прозрачность, семантическая связность, частотность и узнаваемость, а также влияние дательного субъекта как удобного средства выражения модальности.

Все эти данные в совокупности не только помогают объяснить распространенность подобных конструкций, но и ставят под сомнение строгий традиционный подход к ним. Это открывает возможности для дальнейшего обсуждения границ языковой нормы.

[B0%D1%82%D0%B8%D0%B2%D0%BD%D1%8B%D0%B5_%D0%B0%D1%81%D0%BF%D0%B5%D0%BA%D1%82%D1%8B_%D1%80%D1%83%D1%81%D1%81%D0%BA%D0%BE%D0%B3%D0%BE_%D1%81%D0%B8%D0%BD%D1%82%D0%B0%D0%BA%D1%81%D0%B8%D1%81%D0%B0,](#)
26.05.2025).

10. Каленчук 2021: *Каленчук М. Л.* Глава I. Узуальные и кодифицированные произносительные нормы // *Норма произношения в узусе и кодификации* М., 2021. С. 4–5.

(Эл. репринт: https://ruslang.ru/sites/default/files/doc/books/2021-norma_proiznosheniya.pdf, 26.05.2025).

11. Касевич 2005: *Касевич В. Б.* Еще о языковой норме. // *Язык и речевая деятельность.* 2005. Т. 8. С. 9–24.

12. Книга о грамматике: *Книга о грамматике. Для преподавателей русского как иностранного.* Под ред. А. В. Величко. СПб., 2018.

13. Крысин 2017: Крысин Л. П. *К соотношению системы языка, его нормы и узуса.* // *Коммуникативные исследования.* 2017. № 2 (12). С. 20–31.

(Эл. ресурс: <https://elibrary.ru/item.asp?id=29901701>, 26.05.2025).

14. Кустова 2012: *Кустова Г. И.* Дательный падеж // *Русская корпусная грамматика.* 2012.

(Эл. ресурс: http://rusgram.ru/%D0%94%D0%B0%D1%82%D0%B5%D0%BB%D1%8C%D0%BD%D1%8B%D0%B9_%D0%BF%D0%B0%D0%B4%D0%B5%D0%B6, 26.05.2025).

15. Летучий 2017: *Летучий А.Б.* Предикатив // «Русская корпусная грамматика». 2017.

(Эл. ресурс: <http://rusgram.ru/%D0%9F%D1%80%D0%B5%D0%B4%D0%B8%D0%BA%D0%B0%D1%82%D0%B8%D0%B2>, 26.05.2025).

16. Ломоносов: *Ломоносов М. В.* Российская грамматика // *Ломоносов М. В. Полное собрание сочинений.* М.; Л., 1950—1983. Т. 7: Труды по филологии 1739—1758 гг.

(Эл. ресурс: <https://feb-web.ru/feb/lomonos/texts/lo0/lo7/lo7-3892.htm?cmd=p>, 26.05.2025).

17. Морфология современного русского языка: *Морфология современного русского языка.* // Учебник для высших учебных заведений Российской Федерации. СПб.,

2009. (Эл. репринт: <http://rusgram.ru/sites/default/files/liter/person/morphology.pdf>, 26.05.2025).
18. Мустайоки 2006: *Мустайоки А.* Теория функционального синтаксиса: от семантических структур к языковым средствам. М., 2006.
19. Розенталь 2001: *Розенталь Д. Э.* Справочник по русскому языку / Практическая стилистика. М., 2001. (Первое издание — 1965).
(Эл. ресурс: <https://www.at.alleng.org/d/rus1/rus1303.htm>, 26.05.2025).
20. Русская грамматика: II: *Русская грамматика: Том II // Синтаксис / АН СССР.* М., 1980.
(Эл. ресурс: <https://rkiff.philol.msu.ru/wp-content/uploads/2020/05/%D0%A0%D1%83%D1%81%D1%81%D0%BA%D0%B0%D1%8F-%D0%B3%D1%80%D0%B0%D0%BC%D0%BC%D0%B0%D1%82%D0%B8%D0%BA%D0%B0.-%D0%A2%D0%BE%D0%BC-II.pdf>, 26.05.2025).
21. Стародумова 2005: *Стародумова Е. А.* Синтаксис современного русского языка: учеб. пособие. Владивосток, 2005.
22. ФИПИ: *Федеральный институт педагогических измерений.* Навигатор подготовки к ЕГЭ по русскому языку // Официальный сайт ФИПИ.
(Эл. ресурс: <https://fipi.ru/navigator-podgotovki/navigator-ege#ru>, 26.05.2025).

Kokkuvõte

Gerundiivide kasutamine umbisikulistes konstruktsioonides

Uurimistöö eesmärk on välja selgitada, miks umbisikulised konstruktsioonid koos gerundiividega, hoolimata grammatikanormidele mittevastavusest, jätkavad kasutust tänapäeva keeles ning millised tegurid toetavad nende püsimist keelepruugis.

Uuringu asjakohasus on seotud gerundiividega umbisiklikuliste konstruktsioonide püsivast esinemisest tänapäeva kõnekeeles, hoolimata nende vastuolust grammatilise normiga.

Käesolevas töös uurime gerundiividega konstruktsioone umbisikulistes lausetes. Nendes lausetes puudub nimisõnaliseks nimetatav subjekt, kuid esineb alaleütlev kääne, mis osutab tegevuse osalisele. Sellistes konstruktsioonides kasutatakse kõige sagedamini isikulist asesõna, näiteks „mulle“.

Seatud eesmärk saavutati mitmete tegevustega:

1. Kirjeldada gerundiivide kasutamise grammatilisi norme ja reegleid umbisiklikutes konstruktsioonides;
2. Luua oma näidiste kogu, mis sisaldab gerundiividega umbisiklikke konstruktsioone alaleütlevas käändes;
3. Selgitada alaleütleva käände rolli gerundiividega umbisiklikutes konstruktsioonides: määrata, millal see täidab subjekti funktsiooni ja millal tegevuse objekti oma;
4. Klassifitseerida semantilistesse gruppidesse esmalt predikatiivsed osad, seejärel gerundiivid umbisiklikutes lausetes alaleütleva subjektiga ning ühendada tulemused, et tuvastada kõige sagedamini esinev konstruktsioon, mis rikub normi, kuid esineb keeles sageli;
5. Viia läbi küsitlus ja koguda materjali;
6. Tuvastada tegurid, mis toetavad gerundiividega umbisikuliste konstruktsioonide eksisteerimist keeles.

Töö koosneb sissejuhatusest, kolmest sisupeatükist, kokkuvõttest, viidete loetelust, lisadest ja eestikeelsest kokkuvõttest. Töös on kaks lisa: küsimustik ning link elektroonilisele failile, kus on kogutud materjal.

Esimeses peatükis käsitlesime uurimuse teoreetilisi aluseid, sealhulgas gerundiivide kasutamise normide kujunemist ja erinevate lingvistide seisukohti. Teises peatükis koostasime

165 näidist sisaldava andmebaasi, analüüsisime alaleütleva käände rolli ning viisime läbi semantilise klassifikatsiooni. Samuti korraldasime küsitluse, et uurida konstruktsioonide tajumist emakeelsete seas. Töös on kaks lisa: küsimustik ning link elektroonilisele failile, kus on kogutud materjal.

Приложение 1. Электронная версия опроса

https://docs.google.com/forms/d/1fZWtN69gJQNsdX_-HuTIdkV95jpF_vfKUTfYKBpF_H4/prefill

Где проходит граница нормы?

✳ Уважаемые респонденты!

Будем рады Вашему участию

в исследовании, посвященном особенностям современного русского языка. Нам важно понять, как носители языка воспринимают разные речевые конструкции в повседневном общении.

Опрос **анонимный** и займет всего **5–7 минут**. Пожалуйста, выбирайте ответы, опираясь на своё языковое чутьё. Здесь нет «правильных» или «неправильных» вариантов — нам интересны ваши интуитивные ощущения.

***Обязательный вопрос**

Согласны ли Вы принять участие в лингвистическом исследовании? *

Да

Ваш возраст? *

До 18 лет

18–25 лет

26–35 лет

36–50 лет

Старше 50 лет

Ваш уровень образования: *

- Основное
- Среднее
- Среднее специальное
- Неоконченное высшее
- Высшее
- Ученая степень
- Филолог / получаю филологическое

Какой Ваш родной язык?

- Русский
- Эстонский
- Билингвал
- Другое: _____

Блок 1 :Завершите предложение

Завершите предложения так, чтобы они казались Вам естественными и правильными.

1. Думая об этом,.... *

Мой ответ _____

2. Вспоминая школьные годы,... *

Мой ответ _____

3. Подходя к месту,.... *

Мой ответ _____

4. Собираясь в школу,... *

Мой ответ _____

5. Прочитав это,... *

Краткий ответ
.....

...

Блок 2. Выбор между двумя вариантами

Выберите наиболее правильный вариант из двух.

6. Выберите наиболее правильный или естественный вариант из двух *

Глядя на картину, мне вспомнился фильм «Одиссей».

Глядя на картину, я вспомнил о фильме «Одиссей».

7. Выберите наиболее правильный или естественный вариант из двух *

Наконец, сделав это, мне приходится несколько раз поморгать, чтобы поверить глазам.

Сделав это, мне сегодня показалось, что у меня другая машина!

8. Выберите наиболее правильный или естественный вариант из двух *

Выходя оттуда, мне стало жутко, будто что-то шло за мной.

Выходя оттуда, я почувствовал жуткий страх, будто что-то шло за мной.

9. Выберите наиболее правильный или естественный вариант из двух *

Когда я сидел там, мне было интересно, существует ли санитарный контроль во Франции.

Сидя там, мне было интересно, существует ли санитарный контроль во Франции.

10. Выберите наиболее правильный или естественный вариант из двух *

Видя это, мне стало плохо, я плакала.

Видя это, мне стало тяжело дышать.

Блок 3: Конструктор предложений

Ниже представлена сетка с двумя группами частей предложений:

Строки содержат **первую часть предложения** (время или условие действия).

Столбцы содержат **вторую часть предложения** (основное действие).

Соедините части так, чтобы получилось корректное предложение.

Пример:

Когда я разбирался в теме, → мне стало ясно, насколько это сложно.

- ♦ В каждой строке выберите **по одному варианту из столбцов** (ответы могут повторяться). *

	я осознал всю сл...	мне было тревож...	мы обсуждали во...	мне в голову при...
11. Готовясь к эк...	☐	☐	☐	☐
12. Каждый раз, ...	☐	☐	☐	☐
13. Говоря о про...	☐	☐	☐	☐
14. Когда я читал...	☐	☐	☐	☐

Блок 4: Оценка нормативности (шкала от 1 до 5)

Оцените степень нормативности предложений по шкале от 1 («абсолютно неправильно») до 5 («абсолютно правильно»).

✦ **Как вы оцениваете нормативность предложения?**

- 1 – Абсолютно неправильно
- 2 – Скорее неправильно
- 3 – Затрудняюсь ответить / Не могу определить
- 4 – Скорее правильно
- 5 – Абсолютно правильно

16. Говоря об этом, мне бы хотелось процитировать итальянского поэта и писателя *
Джузеппе Унгаретти.

- 1 – Абсолютно неправильно
- 2 – Скорее неправильно
- 3 – Затрудняюсь ответить / Не могу определить
- 4 – Скорее правильно
- 5 – Абсолютно правильно

1 2 3 4 5
Абсолютно неправильно Абсолютно правильно

15. Собираясь в школу, мне нужен светильник. *

- 1 – Абсолютно неправильно
- 2 – Скорее неправильно
- 3 – Затрудняюсь ответить / Не могу определить
- 4 – Скорее правильно
- 5 – Абсолютно правильно

1 2 3 4 5
Абсолютно неправильно Абсолютно правильно

17. Прочитав это, мне стало очень грустно. *

- 1 – Абсолютно неправильно
- 2 – Скорее неправильно
- 3 – Затрудняюсь ответить / Не могу определить
- 4 – Скорее правильно
- 5 – Абсолютно правильно

1 2 3 4 5
Абсолютно неправильно Абсолютно правильно

18. Гуляя по парку, мне некомфортно.

- 1 – Абсолютно неправильно
- 2 – Скорее неправильно
- 3 – Затрудняюсь ответить / Не могу определить
- 4 – Скорее правильно
- 5 – Абсолютно правильно

1 2 3 4 5
Абсолютно неправильно Абсолютно правильно

19. Рассматривая старые фотографии, она с улыбкой вспоминала детство. *

- 1 – Абсолютно неправильно
- 2 – Скорее неправильно
- 3 – Затрудняюсь ответить / Не могу определить
- 4 – Скорее правильно
- 5 – Абсолютно правильно

1 2 3 4 5
Абсолютно неправильно Абсолютно правильно

20. Подъезжая к сей станции, у меня слетела шляпа. *

- 1 – Абсолютно неправильно
- 2 – Скорее неправильно
- 3 – Затрудняюсь ответить / Не могу определить
- 4 – Скорее правильно
- 5 – Абсолютно правильно

1 2 3 4 5

Абсолютно неправильно

Абсолютно правильно

Спасибо за участие! 😊

Приложение 2. Ссылка на электронный файл с картотекой примеров

https://docs.google.com/document/d/1NE8gfr_Gemgx08dwWXtmDFN1kGHEUzuPTHQoICeW26c/edit?usp=sharing

Lisa 1.

Lihthitsents lõputöö reprodutseerimiseks ja üldsusele kättesaadavaks tegemiseks

Mina, *Renata Prokurorova*,

1. annan Tartu Ülikoolile tasuta loa (lihthitsentsi) minu loodud teose „/Pealkiri/“, mille juhendaja on *Elizaveta Sosnovtseva*, reprodutseerimiseks eesmärgiga seda säilitada, sealhulgas lisada digitaalarhiivi DSpace kuni autoriõiguse kehtivuse lõppemiseni.
2. Annan Tartu Ülikoolile loa teha punktis 1 nimetatud teos üldsusele kättesaadavaks Tartu Ülikooli veebikeskkonna, sealhulgas digitaalarhiivi DSpace kaudu Creative Commons'i litsentsiga CC BY NC ND 4.0, mis lubab autorile viidates teost reprodutseerida, levitada ja üldsusele suunata ning keelab luua tuletatud teost ja kasutada teost ärieesmärgil, kuni autoriõiguse kehtivuse lõppemiseni.
3. Olen teadlik, et punktides 1 ja 2 nimetatud õigused jäävad alles ka autorile.
4. Kinnitan, et lihthitsentsi andmisega ei riku ma teiste isikute intellektuaalomandi ega isikuandmete kaitse õigusaktidest tulenevaid õigusi.

Renata Prokurorova

29.05.2025

Lisa 2

Autorsuse kinnitus

Kinnitan, et olen koostanud käesoleva bakalaureusetöö ise ning toonud korrekselt välja teiste autorite panuse. Töö on koostatud lähtudes Tartu Ülikooli maailma keelte ja kultuuride instituudi slavistika osakonna bakalaureusetöö nõuetest ning on kooskõlas heade akadeemiliste tavadega.

[Autori allkiri]

Renata Prokurorova

Tartus, [29.05.2025]